

Убийство братьев Гизов во французских источниках XVI в.: основные интерпретации

Елена В. Шаповалова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, e.sokhina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена основным интерпретациям французскими источниками гибели Генриха де Гиза и Людовика де Гиза в Блуа в декабре 1588 г. Убийство лидеров католической партии, инициированное королем Франции, нашло отклик в большом числе текстов. Сведенные вместе, они дают подробную картину произошедшего в Блуа. Однако репрезентация одних и тех же событий различна у разных авторов. Так, для сочинений лигеров характерно сведение образов братьев Гизов к религиозному: они представляются как «мученики за веру» при помощи ряда библейских аллюзий, вершиной которого становится *imitatio Christi*, притом что детали, не способствующие «клерикализации», как правило, опускаются. В то время как «роялистская» литература создает «секулярный» образ Гизов, что объясняется не только личной позицией авторов, но и более широким политическим контекстом.

Ключевые слова: Франция, религиозные войны во Франции, Генрих де Гиз, Людовик де Гиз, замок Блуа, Генрих III, галликанизм

The French Sources of the 16th Century about the Murder of Guise brothers: The Main Interpretations

Elena V. Shapovalova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia: e.sokhina@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main French sources which describe the murder of Henry of Guise and Louis of Lorraine, Cardinal of Guise, in the *Royal Château de Blois* in December, 1588. The murder of the leaders of the Catholic party was initiated by the King of France and has got a response in a large number of texts. The authors of the texts give a reliable picture of the event in *Royal Château de Blois*. However the representation of the same events varies. Thus, the members of the Catholic League emphasize the religious aspect of the image of Guise brothers (Guise brothers are represented as “martyrs for belief” by means of a comparison with the biblical characters with the use of the pattern of *imitatio Christi*). The details that do not fit this image are simply dropped. The “royalist” literature creates a “secular” image of Guise brothers, which can be explained by personal positions of the authors but also through wider political context.

Keywords: France, French Wars of Religion, Henry of Guise, Louis of Guise, Château de Blois, Henry III, Gallicanism

Герцог Генрих де Гиз, глава Католической лиги, был убит в замке Блуа утром 23 декабря 1588 г. Событие это сыграло немаловажную роль в истории французских религиозных войн XVI в., как и последовавшее через сутки убийство Людовика де Гиза, кардинала Лотарингского, младшего брата герцога. Устранение лидеров радикальных католиков, задуманное королем Генрихом III как средство завершения конфликта, лишь разожгло его еще сильнее, вызвав невероятные волнения в Париже, острое недовольство сторонников Лиги и, в конечном итоге, стало причиной скорой гибели самого короля.

Известие о смерти братьев Гизов быстро распространилось как в королевстве¹, так и за его пределами², и нашло отражение в значительном числе источников, что позволяет говорить об убийстве в Блуа как о резонансном событии. При этом убийство получило различную интерпретацию, и, кроме вполне ожидаемой политической окраски, приобрело еще и религиозную. Для определения основных тенденций в репрезентации событий в Блуа представителями различных политических сил рассмотрим описание гибели братьев Гизов в главных группах французских текстовых источников XVI в.³

Прежде всего, остановимся на том, каким образом гибель Лотарингских принцев была представлена сторонниками короля. Без преувеличения можно сказать, что одним из самых известных источников, в котором обстоятельства убийства описаны довольно подробно, стал «Дневник Пьера де л'Этуалья» [7]. Исследователи Лиги [3, 8-14 etc.] неоднократно отмечали тот факт, что ее история написана победителями [15 с. 181], а л'Этуаль принадлежал к партии так называемых «умеренных», чья позиция и возобладала во французском политическом пространстве конца XVI в.

У л'Этуалья⁴ мы встречаем утверждение, что действия герцога де Гиза следует расценивать как попытку захвата королевства [7 р. 267]. Гиз «перешел Рубикон» [7 р. 267], когда поднял восстание в Па-

¹ Первые известия в Париже были получены уже 24 декабря 1588 г. [1 р. 210, 2 р. 12-13]. 26 декабря в столицу пришли новости о смерти кардинала [2 р. 14-15].

² Папа Сикст V был извещен о смерти герцога де Гиза 3 января 1589 г., а в ночь с 6 на 7 января французский посол доставил понтифику новости о гибели кардинала [1 р. 420].

³ Убийство в Блуа стало также сюжетом многочисленных визуальных изображений – плакатов, прежде всего, создававшихся в среде лигеров и имевших ярко выраженный тираноборческий характер [3 р. 173-182]. Значительное их число вошло в собрание л'Этуалья [4]. Отдельного внимания заслуживают также иллюстрации текстов [5, 6 etc.].

⁴ Следует отметить, что разные издания дневника л'Этуалья имеют принципиальные отличия. Так, издание 1660 г. [16 р. 119-120] представляет собой сокращенный вариант текста. Гибель Лотарингских принцев в нем представлена весьма лаконично: опускаются практически все подробности убийства герцога, а описание убийства кардинала сводится к простой констатации факта. Тем не менее в тексте присутствует объяснение удара ногой в лицо, нанесенного королем уже мертвому герцогу, неким подобием воздаяния – именно так, по мнению автора, поступил сам де Гиз с адмиралом Колиньи; а также объяснение необходимости сожжения тел – «чтобы не осталось ни реликвий, ни памяти». В издании 1873 г., по которому производится цитирование в данной статье, в отличие от более ранних, фрагмент с ударом в лицо отсутствует, по причине отсутствия его в рукописи, на которую ссылается издатель.

риже в мае 1588 г. Подобное подчеркнутое если не оправдание, то обоснование решения короля характерно для текста л'Этуалья. Подтверждение амбиций дома Гизов их противники находили и в поведении окружения герцога. Так, отдельные поступки кардинала Лотарингского можно истолковать как откровенные призывы к свержению короля [18 р. 137], равно как и заявления герцогини де Монпансье [7 р. 244], сестры братьев Гизов и «фурии Лиги»⁵. То же можно сказать о рекомендациях архиепископа Лионского, составленных им для герцога после «дня баррикад» [19]⁶, в которых Гизу предлагалось следовать примеру Карла Мартелла, сумевшего обеспечить своим потомкам восшествие на французский трон [19 р. 18]. И все это подкреплялось пламенными проповедями в Париже, где с кафедр недвусмысленно провозглашали о Сауле и Давиде. По утверждению л'Этуалья, подобные проповеди звучали уже в 1587 г. [7 р. 233, 238].

Так или иначе, л'Этуаль не только создает образ «Гиза-разжигателя войны», но и подчеркивает существование заговора против короля, что позволяет ему трактовать убийство герцога как меру превентивную и совершенно необходимую [7 р. 267].

Дополнительной «краской» к подобному образу служит и самоуверенность Гиза, также л'Этуалем всячески акцентируемая. Например, игнорирование герцогом предупреждений об опасности. Из «Дневника» мы узнаем о найденной под салфеткой записке с призывом быть осторожным, на которой де Гиз пишет знаменитое «Не посмеют» [7 р. 267]⁷, а также ряде других предупреждений, воспринятых им со столь же малым вниманием [7 р. 268]. Не упускает л'Этуаль и галантные подробности, подчеркивая, что предшествующую убийству ночь де Гиз провел у своей возлюбленной, а также тот факт, что для появления у короля он предпочел элегантную (и, очевидно, придававшую ему дополнительный лоск), но не соответствующую погоде одежду [7 р. 268]. Высокомерие герцога становится у л'Этуалья еще одним доказательством его непомерных амбиций, позволяющих перевести его образ в религиозное поле, сравнив

⁵ Вот как описывает герцогиню Пьер де Бурдей де Брантом, называвший ее «великой государственной женщиной»: «Однажды, когда Лига уже составила, госпожа де Монпансье, принимаясь играть в карты,... сказала о тех, кого вовлекла в славное предприятие: “Я их всех так ловко перемешала, что теперь им самим ни растасоваться лучше, ни выбраться из колоды”» [18 с. 330].

⁶ Данная рекомендация также включена в издание дневника л'Этуалья 1873 г. [7 р. 275-278].

⁷ Подобным образом та же история описана в источнике, исходящем из протестантской среды [20 р. 143].

с библейским тираном и богоборцем Нимродом [7 р. 268]. Однако подобные библейские аллюзии здесь не имеют принципиального значения – они служат ярким дополнением к политически окрашенным образам, но не довлеют над ними.

Что касается убийства кардинала Лотарингского, то и здесь автор остается верен себе, и главным обвинением, предъявляемым к младшему Гизу, становится разжигание войны. «Его величество решил отправить его вслед за герцогом де Гизом, поскольку тот был куда хуже своего брата» [7 р. 269]. Так что, с точки зрения л'Этуалья, это был вполне закономерный финал жизни кардинала, «дышавшего лишь войной, призывавшего к убийствам и захлебнувшегося кровью» [7 р. 269].

Практически в том же стиле выдержан и другой источник, свидетельство медика Мирона, составленное с целью представить «как все было на самом деле» [17 р. 111]⁸. И здесь звучит идея того, что любая попытка выступить против короля опасна и амбиции наказуемы⁹. «День баррикад» у Мирона становится апогеем «бесчинств» де Гиза [17 р. 113-114]. Поэтому последовавшие события в Блуа расцениваются автором не иначе как «исполнение приговора» [17 р. 115-116, 121], причем в отношении обоих братьев, поскольку и у Мирона [17 р. 123-125] кардинал Лотарингский представлен едва ли не худшим из Гизов¹⁰.

Довольно подробно описывая приготовления к убийству, которые устроил Генрих III, и последовавшую затем гибель братьев, в целом Мирон выстраивает ту же картину событий, что мы видим у л'Этуалья с практически той же интерпретацией. Принципиальным отличием этих текстов является цель их создания: если у л'Этуалья убийство Гизов является одним из множества эпизодов, описанных в дневнике, то Мирон изначально задумывал запечатлеть именно события в Блуа, что делает его свидетельство более кратким и в то же время ярким.

Несмотря на кажущуюся беспристрастность, к сторонникам королевской партии следует отнести и Жака Огюста де Ту [23], также

⁸ Данное свидетельство также публиковалось в качестве приложения в изданиях «Дневника Пьера л'Этуалья» [21, 7 р. 332-341 etc.].

⁹ Представляя интересы Генриха III в Риме, кардинал де Жуайез подчеркивает тот факт, что король имел все основания убить герцога де Гиза еще в Лувре после известных парижских событий, «выбросив его в окно», то есть фактически казнить. Это созвучно тому, что мы находим у Мирона [22 р. 162].

¹⁰ В целом можно сказать, что кардинал де Гиз, наряду с герцогом и архиепископом Лионским, в среде противников воспринимались как источник всех интриг и смут в королевстве [20 р. 143].

уделившего отдельное внимание событиям в Блуа¹¹. И если текст л'Этуаля, пусть и изданный лишь в XVII в.¹², представляет собой дневник, а свидетельство Мирона было составлено непосредственно после событий в Блуа, то сочинение де Ту изначально задумывалось как работа исторического толка. В силу этого «дерзкое, как никогда» [23 р. 433] поведение де Гиза помещается, в том числе, в контекст внешней религиозной политики: взаимоотношений Франции и Римского престола и, в конечном итоге, проблеме свобод галликанской церкви, тесно сопряженной с особым положением «христианнейшего короля» [23 р. 438-439].

Можно утверждать, что в текстах авторов, рассмотренных прежде, так или иначе, подчеркивалась сплоченность Гизов, в результате чего они представляли «монолитным» кланом, активно способствовавшим формированию публичного образа Генриха де Гиза [14 р. 61]. Что касается де Ту, то, если герцогиня де Монпансье представлена в тексте вполне традиционно (повторяется история с ножницами¹³ и обсуждением кандидатуры герцога де Гиза в качестве более достойного короля [23 р.445]), этого нельзя сказать о других. Так, де Ту посчитал необходимым включить в свое сочинение историю о ссоре герцога с ревнующим к его могуществу младшим братом, герцогом Майенским, из-за некой дамы, что в итоге едва не привело их к дуэли [23 р. 442]. Неоднозначен и образ архиепископа Лионского, вопреки советам друзей уговаривающего герцога не покидать двор¹⁴ из-за опасений, что в случае отъезда де Гиза не оправдаются его надежды на «кардинальскую шляпу» [23 р. 469].

¹¹ В издании 1734 г. хронологическому периоду с 1587 по 1589 гг. посвящен отдельный том. При этом описание самого убийства является достаточно подробным и, за исключением некоторых деталей (например, у де Ту отсутствует история с фруктами, которые подали герцогу), совпадает с описанием у других авторов.

¹² Впервые дневник был опубликован в 1621 г.

¹³ Согласно Мирону, выстричь королю тонзуру угрожал и кардинал де Гиз: «Он говорил, что не хотел бы умереть прежде, чем зажмет голову тирана между ног, чтобы кинжалом выстричь ему корону на макушке» [17 р. 137].

¹⁴ Примечательно, что данный эпизод присутствует и в сочинении лигера Жана Патта, правда, в несколько иной интерпретации. В частности, мотивы архиепископа Лионского, отговаривающего де Гиза покидать двор, куда более благородны: автор не сомневается, что почтенным прелатом двигало лишь желание избежать смятения в рядах сторонников де Гиза [24 р. 79]. О том, что «намерения короля были ясны» и многие из окружения де Гиза советовали ему покинуть Блуа, пишет и секретарь герцога Перикар [25 р. 191].

Как и другие авторы, принадлежащие к «партии короля», де Ту поддерживает «галантный образ» Гиза¹⁵, объясняя тот факт, что в зал Совета он явился позже других, предшествующей «страстной ночью» с одной из придворных дам [23 р. 467]. Упорство, с которым сторонники короля в описании событий в Блуа возвращаются к этой, по сути, незначительной детали, не может не обратить на себя внимание. «Придворная дама» словно противопоставляется «герцогине де Гиз», к образу которой (узнающей о гибели супруга накануне рождения ребенка или отправляющейся крестить новорожденного, ради чего в Париже был прерван траур по герцогу¹⁶) обращались авторы-лигеры. Де Ту о герцогине де Гиз упоминает лишь вскользь, когда говорит об отъезде герцогини де Монпансье в Париж [23 р. 445-446].

Как бы ни был самоуверен герцог, де Ту все же не отказывает ему в здравом смысле: де Гиз сознает опасность своего положения [23 р. 468]. «Но было слишком поздно», и единственное, что он мог сделать, это «скрыть страх, прежде всего от своего брата, кардинала, советами которого пренебрег» [23 р. 468]. Так, косвенным образом, де Ту делает более рациональным и образ кардинала де Гиза. Возможно, именно следуя рациональному выбору, согласно де Ту, услышав, что его брата убивают, и не надеясь ему помочь, Людовик де Гиз бросается к выходу, стремясь сохранить собственную жизнь, тогда как архиепископ Лионский, напротив, устремляется к двери королевских покоев, желая если не спасти герцога, то хотя бы «умереть вместе с ним» [23 р. 471]. Деталь, обращающая на себя внимание¹⁷. Так, образы братьев герцога¹⁸ и лиц из ближайшего его

¹⁵ О том, что сердечная привязанность герцога де Гиза к некой придворной даме приводила к ссорам при дворе, говорится и в сочинении автора, происходившего из протестантской среды [20 Р. 143].

¹⁶ 6.02.1589 г. в Париже издается предписание об организации сопровождения процессии на церемонию крещения сына герцога де Гиза, состоявшуюся 7.02.1589 г. [1 р. 283]. Описание процессии мы находим в дневнике парижского буржуа [2 р. 48-50], а также у л'Этуэля [7 р. 283-284].

¹⁷ Так, Мирон говорит о том, что, услышав шум, кардинал, желая подняться, был удержан маршалом д'Омоном [17 р. 129], в то время как архиепископ Лионский возносил молитву в другой части комнаты. Безусловно, данное свидетельство не так однозначно, как, например, у Жана Патта, согласно которому кардинал был схвачен, когда собирался бежать на помощь брату [24 р. 83], однако в нем нет прямого указания на то, что кардинал собирался спасаться бегством. Согласно л'Этуэлю, услышав голос брата, Людовик де Гиз «желая выйти вместе с монсье де Лионом, был задержан маршалами д'Омоном и де Ре» [7 р. 268].

¹⁸ К тому факту, что кардинал де Гиз, услышав шум, «пожелал поспешно выйти, чтобы спастись», добавляется информация о сопротивлении, которое Людовик де Гиз пытался оказать при аресте [20 р. 150].

окружения становятся более «реалистичными»¹⁹, а изложение событий – достоверным²⁰.

Причиной смерти Людовика де Гиза, согласно де Ту, стали угрозы, произносимые им в заключении [23 р. 471]. Для сравнения, у Мирона король «изначально хотел лишь арестовать кардинала из-за почтения к его сословию, но ему *рассказали*, что тот очень опасен и некоторыми днями ранее держал заносчивую и несдержанную речь» [17 р. 137]²¹. У л'Этуэля же решение короля кажется хорошо обдуманном заранее. Де Ту также поднимает тему сомнений короля по поводу возможности казни прелата, причем значительное внимание уделяется поведению окружения короля – тем, «кто советовал убить герцога». Согласно де Ту, «они страшались, что сострадание возьмет верх, и, раскаявшись в том, что сделал с герцогом, король подвергнет их опасности стать жертвой мести его брата». Примечательно, что автор и здесь выводит на передний план прежде всего человеческие мотивы. Так, советники напомнили государю, что кардинал всегда был человеком надменным, проведя юность «среди придворных удовольствий»²², и что, оставаясь он в живых, чувство мести подтолкнет его к новым злодеяниям [23 р. 477].

В целом заметно, что мотивация короля и его советников интересует де Ту не меньше обстоятельств самих убийств. Он включает в текст большое число цитат, что позволяет читателю «слышать», например, прямую речь короля. Речи, обращенные к «вершителям королевского правосудия», расставленным, словно фигуры в шахматной партии, в разных зонах апартаментов, где предстояло погибнуть герцогу де Гизу, представлены и у Мирона [17 р. 131-132]. Однако у Мирона они заметно короче и, скорее, иллюстрируют хро-

¹⁹ При этом в целом можно сказать, что автор отдает должное заслугам дома Гизов, отмечая, что Франсуа де Гиз «был величайшим военачальником своего века» и при других обстоятельствах, как никто другой, мог бы служить славе Франции [23 р. 478].

²⁰ Де Ту подчеркивает, что сам архиепископ Лионский рассказывал ему впоследствии о том, что происходило в зале Совета [23 р. 471]. Тот факт, что информация о поведении архиепископа получена «из первых рук» настаивает и автор созвучного в деталях текста [20 р. 150].

²¹ При этом Мирон вполне допускает, что слова, приписанные кардиналу, могли быть вымышленными.

²² Любопытно, что одним из аргументов становится отсутствие у кардинала «жены и детей». Известно, что за месяц до событий в Блуа, Эмери де Лешерен родила Людовику де Гизу сына, который впоследствии был легализован. Э. Бурассен упоминает это обстоятельство, подчеркивая, что кардинал в последние минуты жизни помнил о сыне, передавая через архиепископа Лионского просьбу к сестре позаботиться о ребенке [14 р. 153].

нологию событий, последовательность действий Генриха III накануне убийства. Но, так или иначе, приводимые в обоих источниках аргументы в итоге сводятся к призыву «пролить кровь во имя сохранения жизни государя» [23 р. 466].

Таким образом, для текстов авторов, принадлежавших «партии короля», характерна ярко выраженная политическая интерпретация убийства Гизов. При этом основной акцент делается на необходимости прекращения войны, подчеркнута роялистских идеях (фигура короля-миротворца оказывается противопоставленной деструктивным силам²³, воплощением которых становятся Лотарингские принцы²⁴), а религиозный фактор практически нивелируется – даже тот факт, что в Гизах радикальные католики Франции видели безусловных лидеров, словно отходит на второй план, а главным обвинением становится попытка захвата власти. Здесь следует отметить, что подобное «индифферентное отношение» к религиозному вопросу со стороны «умеренных»²⁵ («политиков») стало основанием для сторонников Лиги обвинять противников в ереси²⁶. В то время как в ответ лигеры представлялись склонными к насилию фанатиками, лишенными не только религиозной терпимости и склонности к рациональному мышлению, но и представлений о национальных интересах²⁷, что превращало их в марионеток Испании²⁸ и ее «агентов»,

²³ Так, например, де Ту цитирует речь короля, призывающего покарать «изменников, разрушающих королевство» [23 р. 466]. А кардинал де Жуайез настаивает не только на том, что братья Гизы заплатили за собственные грехи, но что Лига разрушает и королевство, и саму католическую религию во Франции [22 р. 179].

²⁴ Несмотря на то, что поведение герцога де Гиза вполне укладывается в представления о традиционном роялизме.

²⁵ П.Ю. Уваров подчеркивает, что к «открытию» нового понимания терпимости противодействующие стороны были фактически принуждены, не сумев уничтожить друг друга. «И католиками, и протестантами терпимость воспринималась отнюдь не как благо. Она была для них скорее злом, но злом, как все полагали, временным и наименьшим» [26 с. 94].

²⁶ Именно еретиками их и именуют лигеры в документах, касающихся подтверждения «Священного союза» и т.д. [1 р. 258, 298 etc.].

²⁷ М.В. Дмитриев обращает внимание на то, что даже в среде радикальных католиков выбор между угрозой прихода к власти гугенота и «испанским интересом» представлял существенную дилемму [27 с. 27-28]. А М. Венар отмечает, что большая часть сторонников Лиги не готова была принять «короля-чужеземца», хотя многие и настаивали на том, что католик-иностранец предпочтительнее «француза-еретика» [28 с. 77].

²⁸ У де Ту в речи короля «слава именоваться французами» прямо противопоставляется сомнительной чести «прислуживать испанцам», как делают это «ревностные католики», под которыми в конкретном случае подразумеваются Гизы – король как «законный господин» дарует «право оказать королевству услугу» и призывает уничтожить их [23 р. 466]. Автор также подчеркивает законность действий короля, описывая беседу государственного секретаря Револя с папским легатом кардиналом Морозини [23 р. 473].

Гизов [15 с. 181-182]. Не удивительно, что «умеренная» среда способствовала формированию образа герцога де Гиза, прежде всего, как политического интригана. Что касается кардинала Лотарингского, то он заметно уступает брату, и образ его фактически сводится к роли «советника-дьявола».

Совершенно иная интерпретация убийства представлена у авторов-лигеров. И здесь, прежде всего, следует отметить сочинение Шарля Пенсле «Мученичество двух братьев» [29]²⁹. Оно представляется одним из наиболее важных, поскольку, как и свидетельство Мирона, сосредоточено исключительно на событиях в Блуа³⁰. Главной темой Пенсле становится мученическая смерть «невинных страдальцев» братьев Гизов за веру. И хотя основная последовательность событий, изложенная в «Мученичестве...», не слишком отличается от той, что представлена в трудах сторонников короля, дополнительные детали или, напротив, отсутствие таковых делают ее принципиально иной. Так, у Пенсле отсутствуют пикантные подробности, касающиеся галантных пождений герцога – он ревностный католик. А сам образ старшего де Гиза создается автором при помощи библейских аллегорий. Вершиной этого ряда становится *imitatio Christi*. И если в случае с герцогом преобладает аллегорическое повествование, то кардинал Лотарингский сравнивается с Христом прямо [29 р. 43].

Дневник амьенского буржуа Жана Патта [24]³¹, уже упоминавшийся выше, охватывает более широкий хронологический период, но гибели принцев в Блуа уделяет большое внимание, описывая ее еще более драматично. Здесь мы видим проводимую аналогию между братьями и святыми Сикстом³² и Лаврентием [24 р. 83], а тема *imitatio Christi* звучит еще более ярко, причем, прежде всего, в отношении герцога, подчеркнуто жертвующего собой, отказываясь от возможности спастись. Гиз заявляет, что готов умереть сотни раз, лишь бы не стать причиной смуты [24 р. 79]. И это образ, полностью противоположный тому, что создавали сторонники короля.

²⁹ В течение 1589 г. «Мученичество...» переиздавалось несколько раз. Оно также было включено в издание 1836 г.

³⁰ Данные два текста, например, Э. Барнави приводит в качестве основных источников по убийству Гизов [3].

³¹ Данное издание включает в себя публикацию фрагмента дневника, посвященного непосредственно гибели Лотарингских принцев.

³² Папа Сикст и архидиакон Лаврентий пострадали во время гонений эпохи императора Валериана. Согласно преданию, отправляясь на смерть, Сикст в ответ на просьбу Лаврентия взять его с собой предсказал, что тот примет мученическую кончину через три дня.

Отсутствует у Патта и описание каких-либо попыток спасти герцога³³, он совершает свой путь покорно, подобно «бедному Исааку» [24 р. 80]. Отдельного внимания заслуживает «поругание» кардинала Лотарингского [24 р. 84-86], а также «осмеяние тел» [24 р. 82-83]. Убийцы буквально исполняют приказ отнестись с уважением к одеянию прелата и раздевают его, «как поступили иудеи с Господом» [24 р. 85]. Что касается тел, то Патт утверждает, будто головы принцев были выставлены в Париже и Орлеане для устрашения горожан [24 р. 86], что крайне сомнительно, однако очень хорошо характеризует позицию автора. Не находим мы в дневнике и указаний на раскаяние короля, хотя бы нарочито публичное³⁴. Зато автор не скупится на сентиментальные подробности, описывая плохое физическое самочувствие герцога³⁵ или отсутствие платка³⁶, которое де Гиз еще и считает необходимым объяснить присутствующим, оправдывая слуг, собиравших его в спешке [24 р. 81].

Идея мученичества принцев в сочинениях лигеров тесно сопряжена с темой тираноборчества. Так, прежде всего, тираноборческим является трактат Жана Буше «Жизнь и достопамятные деяния Генриха де Валуа». Здесь убийство Гизов встроено в череду «злодеяний» «безбожного» короля, «называющего себя христианнейшим» [6 р. 72]. Так, Буше, говоря о невнимательности герцога де Гиза к нескольким полученным им предупреждениям об опасности, подчеркивает, что «невозможно было представить решение короля сохранить корону подобным способом» [6 р. 72]³⁷. Искренности

³³ Например, у л'Этуаля мы находим свидетельство, что люди де Гиза, уже когда тот находился в зале Совета, пытались передать ему вместе с фруктами записку с предупреждением немедленно выходить, но попытка была безуспешной [7 р. 268]. Секретарь де Гиза Перикар, чье свидетельство входит в число свидетельств, подготовленных для герцогини де Гиз, также описывает ряд безуспешных попыток спасти герцога [25 р. 194-195].

³⁴ Решительно поддерживающий короля Мирон, например, подчеркивает, что Генрих III надевает облачение капуцина в знак покаяния [17 р. 83-84].

³⁵ Создавая образ «добрého католика» Генриха де Гиза, Патт ни слова не говорит о его галантных похождениях накануне ночью, зато подчеркивает, что подгоняемый волей короля, не имеющий достаточного времени, чтобы должным образом привести себя в порядок, герцог все же отстаивает право совершить молитву [24 р. 79-80].

³⁶ Подобные детали есть у Мирона, л'Этуаля и де Ту, однако поданы они более нейтрально. Патт следует собственному стремлению изобразить де Гиза «невинным страдальцем», и если у л'Этуаля «костюм не по погоде» выглядит как желание герцога выглядеть изысканно и тем самым подчеркнуть свой статус, то у Патта он приобретает вид свидетельства сборов в спешке и, как следствие, смирения де Гиза и его жертвенности.

³⁷ Согласно Патту, де Гиз также отказывается верить, что «столь хороший государь пожелает осуществить подлое деяние против верного слуги» [24 р. 79]. Образцовым верноподданным герцог выглядит и у Пенсле.

одного противопоставляется лицемерие другого³⁸. Что касается событий утра 23 декабря, то, опуская детали, касающиеся пребывания герцога в зале Совета, Буше сразу переходит к нападению в кабинете, главной причиной которого он называет «поддержку [де Гизом] католической религии», а также «трусость и смертельную подлость, не совместимую с добродетелью», «жажду крови и убийств» тех, кто словно «трусливые псы разрывают и грызут дом» Гизов [6 р. 74]. Буше также обращается к чрезвычайно важной в среде лигеров и, в целом, католиков теме сакральности личности прелата [6 р. 74]. И здесь нельзя обойти вниманием проблему отлучения Генриха III от церкви за «насилие над кардиналом»³⁹. При этом весьма интересным источником становится «Суждение папы об убийстве кардинала де Гиза» [32], датированное 27 января 1589 г. Документ был составлен, когда полемика вокруг правомерности посягательства на жизнь принцев со стороны короля была в разгаре⁴⁰, поэтому не удивительно, что в нем есть пассажи об убийстве вообще. Сикст V объявляет пространство для карающего меча правосудия⁴¹, но «был убит кардинал де Гиз, кардинал, священник, к тому же архиепископ Реймский... Убит без суда, не по закону и без оснований..., как будто бы Святого престола не было вовсе и, наконец, словно Бога нет ни на небе, ни на земле» [32 р. 3-4]. Как бы ни был римский понтифик возмущен гибелью Людовика де Гиза, проблема взаимоотношений «алтаря» и «трона» волновала его не меньше⁴².

О реакции парижан, получивших известие об убийстве от курьеров, прибывающих из Блуа, красноречиво свидетельствует и ряд

³⁸ Практически идентичное описание мы находим еще в одном тексте, происходящем из среды лигеров [31 р. 94].

³⁹ Сторонники отлучения короля апеллировали к булле *In coena domini*. 13 января 1589 г. датируется поручение, данное депутатам Парижа, отправленным в Рим «со смиреннейшим протестом» против убийства Гизов [1 р. 247], однако еще до этого в столице ходили слухи, будто король уже отлучен [2 р. 20, 27].

⁴⁰ Параллельно во французском обществе в очередной раз была поднята тема верховенства папы. По мнению радикальных лигеров, папе должны повиноваться все верующие – речь идет о старом тезисе духовной и светской власти пап [33 с. 248-249].

⁴¹ О настроениях в курии довольно подробно говорит кардинал де Жуайез в письме к Генриху III. Так, он отмечает, что понтифик предпочел бы арест герцога де Гиза и процесс над ним и, конечно же, в Риме полагали возмутительным посягательство короля на жизнь кардинала де Гиза [22 р. 161].

⁴² Из письма кардинала де Жуайеза мы узнаем о том, что в его переговорах с папой открыто звучала тема «различий между Римом и Францией». Через своего представителя король отстаивал право сохранять корону и собственную жизнь, что, по утверждению кардинала, нисколько не умаляло авторитет Римского престола [22 р. 176].

официальных документов. При этом принцы именуется «столпами истины», «ее главными опорами» [1 р. 222, 268, 303], пролившими «священную кровь во славу Бога и во имя народа Франции» [1 р. 220-221], «истинными защитниками религии» [1 р. 222] и т. д. Безусловное возмущение сторонников Гизов вызывало «надругательство над мертвыми телами» [1 р. 229, 231-232], сожжение которых исключило возможность христианского погребения⁴³, а также тот факт, что кардиналу Лотарингскому было отказано в исповеди [1 р. 230, 231-232, 239]. Здесь следует отметить, что в свидетельстве Мирона присутствует указание на то, что кардинал исповедался перед гибелью архиепископу Лионскому [17 р. 137], однако вполне можно предположить, что для лигеров достоверность факта отказа в исповеди играла роль гораздо менее существенную, чем тот резонанс, который он мог вызвать среди католиков⁴⁴, причем не только во Франции. Поэтому в документах Лиги упоминание об этом фигурирует неоднократно. Из них же мы узнаем, что между гибелью братьев прошло 27 часов, а также, что обращение с кардиналом не соответствовало его сословному статусу, «сану архиепископа и первого пэра Франции» [1 р. 231-232]. Немаловажной темой становятся и обвинения герцога де Гиза в заговоре против короля. «Герцогу вменяют в вину ту самую клевету, что возводится на этот дом еретиками вот уже 27 лет» [1 р. 231-232] – это откровенный ответ на попытки сторонников короля оправдать превентивный удар. И одновременно пресечь «инакомыслие» в Париже: «Нашлись в городе люди, убеждавшие других, будто монсеньор де Гиз строил некие зловещие планы в отношении короля... Нелепый предлог для оправдания убийства...» [1 р. 231-232]. Учитывая вспыхнувшие волнения в столице, спровоцированные печальными известиями из Блуа и подозрительность лигеров⁴⁵, не удивительно, что руководство города посчитало обвинения в адрес Гизов возмутительными. Как и посягательство на вольности Генеральных Штатов, гарантировавших неприкосновенность депутатов.

Безусловно, рассмотренные источники далеко не исчерпывают весь пласт текстов, ставших откликом на события в Блуа. Но они

⁴³ Факт сожжения тел признается и сторонниками короля. Так, об этом пишут л'Этуаль [7 р. 269] и Мирон [17 р. 137], а у де Ту мы находим информацию, что тела были помещены в известь, «чтобы уничтожить все следы» [23 р. 479].

⁴⁴ Р. Десимон подчеркивает, что для парижан католическое вероисповедание имело также значение некой сплачивающей силы, «цементирующей чувство общности горожан» [34 с. 139].

⁴⁵ Так, предписание от 13.06.1589 г. обязывало капитанов парижских кварталов произвести обыски для выявления подозрительных лиц [1 р. 377].

являются достаточно репрезентативными для определения основных тенденций в интерпретации убийства Лотарингских принцев. Говоря о «роялистской» литературе, следует подчеркнуть, что наиболее знаменитые произведения (как дневник л'Этуаля или сочинение де Ту) были опубликованы значительно позже гибели Гизов и стали достоянием общественности, когда их образы уже не были принципиально важны. Подобные тексты воспринимались, прежде всего, в контексте государственной политики Бурбонов⁴⁶. Что касается литературы лигеров, то она, напротив, в массе своей относится к 1589 г. и является непосредственным живым откликом на смерть Гизов. И здесь тексты, посвященные «реконструкции» событий в Блуа, значительно уступают тираноборческим трактатам, обличающим Генриха III. Д. Крузе, подробно рассматривавший подобные памфлеты, приходит к выводу⁴⁷, что самые ранние из них (относящиеся к началу 1589 г.) ставили целью максимально широко донести до католиков Франции и за ее пределами информацию о судьбе «столпов веры» (чем и вызван интерес к последовательности событий и их детализации)⁴⁸, но довольно скоро в таких сочинениях начинают преобладать призывы к отмщению⁴⁹ (и в таком контексте сам факт убийства был вполне достаточным аргументом, а последовательность событий не играла принципиальной роли⁵⁰). В некоторых источниках, как, например, дневник парижского буржуа,

⁴⁶ Например, л'Этуаль и прежде понимал, что публикации подобного рода подчиняются тактическим соображениям и иногда придумывал необходимые детали, чтобы подчеркнуть «аморальный и преступный характер Католической лиги» [35 с. 93].

⁴⁷ Сам Д. Крузе отмечает, что подобная точка зрения уже существовала в исследовательской литературе, в частности, ее высказывал F.J. Baumgartner [10 p. 480].

⁴⁸ Так, например, у автора «Правдивой истории убийства...» порядок прибытия Лотарингских принцев в зал Совета соответствует Буше, но противоречит ряду других источников [31 p. 96-98]. Он уделяет особое внимание действиям людей короля, отправленных за бумагами герцога де Гиза, очевидно, в поисках компрометирующих сведений [31 p. 102], подчеркивает, что герцогиня Немурская просила отдать ей тела сыновей, чтобы предать их земле, в чем ей было отказано [31 p. 105], и большую часть своего текста посвящает прославлению дома Гизов и его деяниям. Примечательно, что текст «Правдивой истории убийства...» дополнен визуальным изображением гибели герцога, идентичным тому, что присутствует в сочинении Буше [6], где «рука короля» заносит меч над Гизом.

⁴⁹ В тираноборческих памфлетах, например, религиозные процессии в Париже превращаются в «священную борьбу против короля-антихриста» [10 p. 382]. По мнению Ж.М. Констана, члены Лиги намеренно направили бурную скорбь парижан в клирикальное русло [36 с. 250]. О памфлетах эпохи религиозных войн также подробно писала Т. Деббажи-Баранова [37].

⁵⁰ Даже в текстах матери погибших принцев или вдовы герцога де Гиза [38-39].

внимание изначально приковывалось к реакции в столице, и автор не считал нужным включать в текст детали убийства, свидетелем которых он не был. А тенденция, о которой говорит Д. Крузе, заметна не только в памфлетах, но и в официальных документах. Так, если внутренние городские предписания или письма, отправляемые из Парижа в потенциально союзнические города, января – начала февраля 1589 г. полны упоминаний (зачастую весьма эмоциональных) трагической участи Гизов, то со временем они практически исчезают, сменяясь призывами защитить католическую религию и «противодействовать тирану»⁵¹.

Таким образом, источники, в той или иной степени затрагивающие убийство Гизов, несмотря на разницу в политической позиции, мотивацию авторов и способ подачи материала, излагают события достаточно согласованно, что позволяет говорить о достоверности описанных событий. Однако их интерпретация существенно различается. Если источники, созданные в среде лигеров, скрупулезно «конструируют» образ братьев Гизов как «ревностных религиозных католиков» и «столпов веры», принявших «мученическую смерть за католическую религию», то в текстах, восходящих к кругу короля, мы видим «секуляризованный» образ принцев. Подобная нарочитая светскость (когда вопросу о религиозности герцога де Гиза и даже кардинала уделено минимум внимания, либо он не поднимается вовсе) выглядит вполне органично в контексте придворной культуры и отношения к религиозной политике «умеренных». Но в контексте религиозного противостояния, учитывая, что Гизы воспринимались современниками прежде всего как католические лидеры, уход сторонников короля от религиозной проблематики выглядит намеренным: на страницах их текстов герцог де Гиз и его брат предстают расчетливыми интриганами. И если сочинения лигеров в большинстве своем служили пропагандистским целям в современных авторам обстоятельствах, то сочинения их противников, выражавшие и подпитывавшие роялистские идеи, оказались полезны и в долгосрочной перспективе в контексте столь важной для политики Бурбонов концепции «*raison d'État*».

⁵¹ Д. Палье отмечает резкий рост числа памфлетов лигеров в 1589 г. (более чем в 2 раза по сравнению с 1588 г.), выделяя 39 текстов, посвященных непосредственно убийству принцев [40]. А другой французский исследователь, D. El Kenz, говоря о пропагандистских произведениях Лиги, насчитывает 50 памфлетов, посвященных убийству, настойчиво воспроизводящих идею мученичества Гизов за веру и повторяющих друг друга в деталях [41].

Библиография / References

1. *Registres des deliberation du bureau de la ville de Paris* (1902) Т. 9. Paris.
2. *Journal de François, bourgeois de Paris: 23 décembre 1588-30 avril 1589* (1913) par Eugène Saulnier. Paris.
3. Barnavi, E. (1980) *Le Partie de Dieu. Etude sociale et politique des chefs de la Ligue parisienne (1585-1594)*. Publication de la Sorbonne. Serie «N.S. Recherches», 34. Louvain.
4. L'Estoile, P. de. *Les belles Figures et Drolleries de la Ligue avec les peintures Placcars et Affiches iniurieuses et diffamatoires contre la memoire et honneur du feu Roy que les Oisons de la Ligue apeloient Henri de Valois, imprimées, criées, preschées et vendues publiquement à Paris par tous les endroits et quarefours de la Ville l'an 1589 (1580-1606)*. Bibliothèque nationale de France, département Réserve des livres rares, RES FOL-LA25-6.
5. Pineselet, Ch. (1589) *Le martire des deux freres...*, Petit Palais, musée des Beaux-arts de la Ville de Paris. LDUT688.
6. Boucher, J. (1589) *La vie et faits notables de Henry de Valois...* Paris, Chez Didier Millot.
7. L'Estoile, P. de. (1837) *Registre-journal du règne de Henri III* in *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. 2, Registre-journal de Henri III*, publ. d'après le ms. autographe de Lestoile, presque entièrement inédit, par MM. Champollion-Figeacet Aimé Champollionfils. Paris.
8. Constant, J.-M. (1984) *Les Guise*. Paris.
9. Barnavi, E., Descimon, R. (1985) *La Sainte Ligue, le juge et la potence*. Paris.
10. Crouzet, D. (1990) *Les Guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610*. Vol. 1–2. Paris.
11. Crouzet, D. (1994) *La nuit de la Saint-Barthélemy, un rêve perdu de la Renaissance*. Paris.
12. Descimon, R. (1993) «*Bourgeois de Paris*». *Les migrations sociales d'un privilège XIV-XVIII s.* in *Histoire sociale Histoire globale? Actes du colloque des 27-28 janvier 1989 sous la direction de Christophe Charle*. Paris. P. 173-182.
13. Descimon, R. (1983) *Qui étaient les Seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne (1585-1594)*. Paris.
14. Bourassin, E. (1991) *L'assassinat du duc de Guise*. Paris.
15. Уваров П.Ю. Борьба тенденций в новейшей историографии Католической лиги конца XVI в. // Средние века, 1988. Вып. 51. С. 181-200.
Uvarov, P.IU. (1988) Bor'ba tendentĭi v noveĭsheĭ istoriografii Katoliĭcheskoĭ ligi kontsa XVI v. [The fight of tendencies in the newest historiography of Catholic league of the end of the 16th century]. Srednie veka. Vyp. 51. S. 181-200.
16. *Recueil de diverses pieces, servans à l'histoire de Henri III* (1660) Cologne.
17. *Relation de la mort de Messieurs les duc et cardinal de Guise, par le sieur Miron, medecin du roy Henri III* (1836) in *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. S.I. T.12. Paris. P. 111-138.

18. *Брантом П.* Галантные дамы. Москва, 2006.
Brantom, P. (2006) *Galantnye damy*. [The lives of gallant ladies of her time]. Moskva.
19. *Instruction adressée à Monsieur de Guise, retourné en cour, par l'archevesque de Lyon, après la paix de juillet 1588* (1836) in *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. S.I. T. 12. Paris. P. 13-22.
20. *Discours de ce qui est arrivé à Blois, jusques à la mort du duc et du cardinal de Guyse. 1588* (1836) in *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. S.I. T. 12. Paris. P. 139-155.
21. *Collection complete des memoires relatifs à l'histoire de France* (1825) Paris. P. 448-477.
22. *Lettre du cardinal de Joyeuse au roy Henry III* (1836) in *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. S.I. T. 12. Paris. P. 157-187.
23. *Histoire universelle de Jacque-Auguste de Thou.* (1734) T. 10. Londres.
24. *Assassinat des duc et cardinal de Guise, aux Etats de Blois (1588)*. Relation manuscrite de Jehan Patte, bourgeois d'Amiens (1834) in *Bulletin de la Société de l'histoire de France*. Vol. 1. No. 2. P. 77-86.
25. *Information faite par P. Michon et J. Courtin* (1836) in *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. S.I. T. 12. Paris. P. 189-221.
26. *Уваров П.Ю.* Конфессиональные идентичности и рождение социальных классификаций во Франции конца XVI – начала XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. Москва, 2008. С. 87-96.
Uvarov, P.Iŭ. (2008) *Konfessional'nye identichnosti i rozhdenie sotšial'nykh klassifikatšii vo Frantsii kontša XVI – nachala XVII v.* [Denominational identities and birth of social classifications in France, late 16th-early 17th centuries]. *Religioznye i ètnicheskie traditšii v formirovanii natsional'nykh identichnostei v Evrope. Srednie veka – Novoe vremiã.* Moskva. S. 87-96.
27. *Дмитриев М.В.* Католицизм и «протонационализм» во Франции конца XVI века (Памфлет Ф. Пижена «Ослепление и неразборчивость Политиков») // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник, 2009. № 2. С. 27-34.
Dmitriev, M.V. (2009) *Katolitšizm i «protonatsionalizm» vo Frantsii kontša XVI veka* (Pamflet F. Pizhena «Osleplenie i nerazborchivost' Politikov»). [Catholicism and “protonationalism” in France of the end of the 16th century]. «Zapad-Vostok». *Nauchno-prakticheskiĭ ezhegodnik.* № 2. S. 27-34.
28. *Венар М.* «Добрые французы» против «ревностных католиков». Стратегии 1584–1594 гг. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. Москва, 2008. С. 71-86.

- Venar, M. «Dobrye frantsūzy» protiv «revnostnykh katolikov». Strategii 1584-1594 gg. [“Good French” against “zealous Catholics”: the stakes of the years 1584-1594]. Religioznye i ètnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnostei v Evrope. Srednie veka – Novoe vremiā. Moskva, 2008. S. 71-86.
29. *Le martire des deux freres contenant au vray toutes les particularitez plus notables des massacres & assassinats commis [contre le] Cardinal de Guyse et le Duc de Guyse* (1589) s.l., s.n. BNF. FRBNF37305162.
30. *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII* (1836) Paris.
31. *Histoire au vray du meurtre et assassinat proditoirement commis au cabinet d'un Roy perfide, barbare, en la personne de Monsieur le duc de Guise, Protecteur et Deffenseur de l'Eglise Catholique, du Royaume de France: ensemble du massacre aussi perpetré en la personne du Cardinal, son frère, sacré* (1589) S.l.
32. *Proposition, faite par Nostre Saint Pere le pape au consistoire tenu à Rome, le vingt-septiesme janvier 1589 sur le sacrilege & assassinat, commis en la personne de defunct illustrissime, & reverendissime cardinal de Guyse, archevesque & duc de Reims, legat nay du saint Siege, & premier Pair de France* (1589) S.l.
33. Дми́триев М.В. «Bons et naturels français». Католицизм и дискурсы французской идентичности в годы Парижской лиши // Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. Санкт-Петербург, Москва, 2015. С. 241-268.
Dmitriev, M.V. (2015) «Bons et naturels français». Katolitsizm i diskursy frantsuzskoi identichnosti v gody Parizhskoi lishi. [“Good and natural French”. Catholicism and the discourse of the French identity in the years of the Parisian League]. Religioznye voiny vo Frantsii XVI v. Novye istochniki, novye issledovaniia, novaia periodizatsiia. Sankt-Peterburg, Moskva. S. 241-268.
34. Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // Варфоломеевская ночь. Событие и споры. Москва, 2001. С. 138-187.
Desimon, R. (2001) Varfolomeevskaiā noch' i parizhskaiā «ritual'naia revoliutsiia». [The massacre of St. Bartholomew and the Parisian “ritual revolution”]. Varfolomeevskaiā noch'. Sobytie i spory. Moskva. S. 138-187.
35. Деббажи-Баранова Т. Печатные издания и политическая игра во время религиозных войн. Пример протестантской партии (1562-1570) // Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. Санкт-Петербург, Москва, 2015. С. 79-97.
Debbazhi-Baranova, T. (2015) Pechatnye izdaniia i politicheskaiā igra vo vremiā religioznykh voĭn. Primer protestantskoi partii (1562-1570). [Libels and political game during the wars of religion. The example of the Protestant party (1562-1570)]. Religioznye voiny vo Frantsii XVI v. Novye istochniki, novye issledovaniia, novaia periodizatsiia. Sankt-Peterburg, Moskva. S. 79-97.
36. Констан Ж.М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. Москва, 2005.

- Konstan, ZH.M. (2005) *Povsednevnaia zhizn' frantsuzov vo vremena religioznykh voïn*. [Daily Life French During the Wars of Religion]. Moskva.
37. Debbagi-Baranova, T. (2012) *À coups de libelles. Une culture politique au temps des guerres de Religion (1562-1598)*. Genève.
 38. *Les regrets de Madame de Nemours sur la mort de Messeigneurs de Guise, ses enfans*. L.O.T.H. (1589) Paris.
 39. *Pleurs et souspirs lamentables de Madame de Guise: sur la mort et assassinat fait à son espoux, Monseigneur le duc de Guise, le vendredy vingt-troisiesme jour de décembre 1588* (1589) Paris.
 40. Pallier, D. (1976) *Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue (1585-1594)*. Genève.
 41. El Kenz, D. *L'assassinat du duc de Guise* (2001) in *L'Histoire*. URL: <http://www.lhistoire.fr/l'assassinat-du-duc-de-guise>.

Информация об авторе

Елена В. Шаповалова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; e.sokhina@gmail.com

Information about the author

Elena V. Shapovalova, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; e.sokhina@gmail.com